

Эмоционально - интеллектуальные драмы Рустама Ибрагимбекова всегда напоминают о том, что он азербайджанец. Напоминают милые сердцу автора приметы азербайджанского быта: какая-то особая душевная распахнутость, открытость шумных бакинских дворики, звучные, пестрые краски жизни, повышенный тонус чувств. Но в то же время чи-

земли. И на языке писал Ибрагимбеков, острый сатиры, такие хлесткие, право же, воспоминание художник должен просить, одновременно Гнева любви.

споконный у башкирского писателя Мустая Карима. В активных «запасниках» многонациональной советской сцены — драматургия литовца Казиса Саи, который свободно совмещает утонченный символ с народным бурлеском.

матургии» принял к печати пьесу уже известного татарского драматурга Ризвана Хамиди «Под знаком Марса», в которой рассказана как бы вновь ожившая в современной деревне история Ромео и Джульетты. Поэзия здесь — в сильных характерах, необлегченных столкновениях. Быть может, лучшая визитная карточка этой пьесы в том, что ее перевел Виктор Розов.

Не сбывая шага работают на Украине Николай Зарудный и Алексей Коломиец, ставшие вровень с корифеями национально-многонациональной сцены — Кочергой, Микитенко, Корнейчуком. Такие пьесы, как «Тыл» Н. Зарудного и «Дикий Ангел» А. Коломийца, несут в себе и горечь, и юмор, и обобщенную образность, и родной украинский «запах чебреца» — по названию одной из пьес Коломийца. Спектакль «Дикий Ангел» показан сейчас в Малом театре, давними дружескими узами связанном с украинской литературой, украинской интеллигенцией.

Примечательно еще и то, что рядом с крупнейшими мастерами, людьми давно сложившихся творческих репутаций, звонко и зримо работают сегодня и писатели начинающие, но успевшие уже многое рассказать своими пьесами, яркие, самобытные индивидуальности, чьи голоса отчетливо слышатся в общем хоре многонациональной драмы. В былые годы, с рассказа о которых я и начала статью, высились только лидеры. Сейчас — иначе.

Несколько лет бывал на семинарах драматургов молодой белорус Алексей Дударев. Писал заметно, его числили как «подающего надежды». Но Дударев о себе напомнил, да так, что заинтересовались и журналы, и театры — куда, мол, раньше смотрели? Его пьеса «Порог», посвященная жгучим драматическим проблемам бытия, написана как космическая притча, напитана живым белорусским фольклором.

Молод и украинец Ярослав Стельмах, но уже широко идет его школьная пьеса «Здравствуй, синичка!», а сейчас привлекла всех новая его композиция по «Молодой гвардии» — «Горькие травы», где вечная быль-легенда как бы рассказана через стихи одного из героев-молодогвардейцев. Горькая правда, овеянная поэзией, придает пьесе Стельмаха особый, патетический лиризм.

Только что прошла по многим сценам сатирическая комедия киевлянки Валерии Врублевской «Кафедра». Ныне в «репертуарных портфелях» ее новая пьеса «Визави», где в накаленном драматическом поединке сталкиваются две крупные, одновременно горестные и радостные женские судьбы.

Чувашский драматург Михаил Юхма выступил с новой производственной пьесой «Фундамент», решительно соединив сугубо производственные проблемы со страстной народной мелодрамой, где чувства кипят, раскалены, как сталь в доменных печах.

Новое имя возникло и в молодой узбекской драматургии — Абдукахар Ибрагимов, острый, язвительный сатирик. «Меня больше всего интересует внутренний мир человека. — говорит он, — который теперь живет все лучше в материальном смысле, но значит ли это, что сам он духовно становится богаче и чище?» С удовольствием познакомилась мы и с искусством грузинского художника Александра Чхидзе, его пьесе «Чинарский манифест» недавно показал Театр имени Ленинского комсомола.

В драматургии братских республик мы найдем и яркую героику, и философскую притчу, и поэтическую символику, и фантастический реализм, и производственный репортаж, и тихую психологическую драму, и народный сказ... Расцвет жанров окрашен сейчас в глубокие фольклорные тона, что придает нынешней драматургии особое разнообразие. И, быть может, самое важное — это разнообразие взглядов на наиболее существенные явления действительности. Смесь и плача, восторга и негодуя, радуясь и огорчаясь, веселясь и грустя, сегодняшний читатель и зритель нравственно растут на спектаклях современной драматургии, современного театра.

И все же каковы бы ни были успехи, надо говорить и о тревогах. За последнее время на всесоюзной, на московской сцене, где еще вчера афиша была поистине «сводной», национальная драматургия вновь как бы уходит на вторые планы.

Дело, мне кажется, и в том, что режиссура наша слишком сосредоточилась сегодня на едином стилистическом виде драмы как зрелища сугубо психологического, по возможности камерного. И даже произведения непростого, густо-жанрового письма, как правило, открываются на сцене все тем же простым «бытовым», без затейливых узоров и сложной резьбы ключом.

Стоит обратить внимание, что успехи малых сцен (я говорю о Москве) связаны, как правило, все с теми же психологическими драмами, инсценировками, сделанными в традиционно-реалистическом манере, как бы ни были сильны подчас в них и метафора, и аллегория. Режиссеры на малых сценах открывают сегодня все новые и новые глубинные пласты человеческих душ, дают новую жизнь заветам Станиславского — актера и режиссера, постоянно помнят о «мужественной простоте». Но, вероятно, нужна здесь и «прививка» — высокой трагедии, оглушительной комедии, патетической публицистики, словом, всего жанрового, а значит, и содержательного богатства, добытого единым многонациональным отрядом советской драматургии.

метные черты этого современного процесса — создания всесоюзного репертуара, где главное именно Союз. Союз как суть государства и союз как форма бытия национальных искусств.

Национальные таланты сегодня — это крупнейшие, самобытные личности, определяющие судьбы литературы уже одним своим художественным и интеллектуальным авторитетом. Именно такое чувство рождалось когда-то при знакомстве с Мухтаром Ауэзовым, Самедом Вургунюм, Кондратом Крапивой, Александром Корнейчуком, Августом Якобсоном. Родается оно и сегодня, когда встречаешься с Расулом Гамзатовым или Кайсыном Ку-

И. ВИШНЕВСКАЯ

ЗАВЕТНОЕ БОГАТСТВО ТЕАТРА

лиевым, Давидом Кугультиновым или Эдуардасом Межелайтисом.

Драматурги братских республик все настойчивее отходят от буквалистской, «вещественной» этнографии, хотя фольклорное, этнографическое начало не исчезает бесследно, а выступает по-новому, придает мощному интернациональному голосу современной драматургии отзвук народной мелодии, народной аранжировки.

Вероятно, вполне можно считать драматургом прозаика Чингиза Айтматова, все его романы, повести — остроконфликтны, раскаленно-драматичны, поэтому проза Айтматова и стала органическим театром Айтматова. Его театр повествует о неразрывном единстве человека и природы в наш технический век. Но если бы только об этом сказал писатель, истина осталась бы пусть вечным, но общим местом. Не только человек выбирает пути к природе, но и сама природа, живая у Айтматова, выбирает пути к человеку. Она приближает к себе людей внутренне естественных, она отталкивает от себя людей жестоких, тянущихся к невесомым на точных весах природы «ценностям».

Ион Друцэ говорит, по существу, о том же, о чем и Айтматов, — выбирайте в дороге жизни вечные ценности, лишь они не обременят — обогащая, лишь они обогатят — не урода души. «Святая святых» — это название пьесы Друцэ может стать не только названием конкретного произведения, но и своеобразной эстетической категорией. По существу, все пьесы Друцэ о том, что в каждой душе, в каждом доме есть заветный уголок, красный уголок, чистая горница, по-молдавски — «каса маре». И чувства темные не должны загрязнить это святая святых.

Малый театр. «Дикий Ангел» А. КОЛОМИЦА. В ролях — арт. Г. Скоробогатова и Е. Самойлов. Фото И. ЕФИМОВА

Центральный детский театр. «Долгое-долгое детство» М. КАРИМА. Фото В. ПЕТРУСОВОЙ

тателю не покажется, что пьесы Ибрагимбекова — какой-то замкнутый мир. Лучшие из них привлекают как раз своей всечеловечностью, разрушением национальной обособленности, страстным желанием улучшить саму человеческую природу. Если вчера, говорит Ибрагимбеков своими пьесами, порядочными людьми могли считаться те, кто никого не обижает, то сегодня пассивно-положительные, равнодушно-добрые уже не могут называться хорошими. Одно только неучастие в зле еще не может почитаться добром...

Словно сам белорусский язык привозил с собой в Москву добродушно-ершистый Андрей Макаёнок, безвременно ушедший от нас прекрасный писатель, — белорусский язык с его напористо-твердым произношением, с его удивительно добрым и мужицки-язвительным юмором, с его запахами черной трудовой земли, соевого бора, пьянящего настоя из грибов, прелой травы, и снова сосны, и снова

Театр имени Ленинского комсомола. «Чинарский манифест» А. ЧХАИДЗЕ. В ролях — арт. В. Кузнецов (слева) и А. Сирик. Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

что в понятие это непременно входит чувство юмора, можно поручиться. По-своему окрашен этот юмор — мудро-лирический у азербайджанца Анара, шумно-заразительный у армянского драматурга Папаляна,

«Часы с кукушкой» — так называется одна из пьес молодого латышского писателя Яниса Юркенса, пьеса самобытная, одновременно и символическая, и бытовая-конкретная. Алямонах «Современная дра-